

Миша и Фрида так любили друг друга, как описывают в романах- трогательно, безгранично и верно. Она не верила в его гибель и всю оставшуюся жизнь ждала и одержимо искала своего Мишу: писала по инстанциям, находила и расспрашивала тех, кто был с ним в ополчении, и тех, кто вместе с ним попал в Ельненский (Вяземский) “котёл” в октябре 1941 года. В частности, встречалась с соратником Миши по ополчению Воскресенским Кириллом Александровичем (после войны - доцент биологического факультета МГУ). Оба воевали в составе 975-го Артиллерийского полка Восьмой Краснопресненской стрелковой дивизии. Кирилл Александрович говорил ей, что видел воронку от взрыва на том месте, где во время боя находился Миша. Для Фриды это не было доказательством. Ниже приведены один из полученных мамой ответов на ее запросы.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР
ОТДЕЛ УЧЕТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПОТЕРЬ СЕРЖАНТОВ И СОЛДАТ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ
г. Подольск, Московской области

№ 63998 28 мая 1960 г.

Гр. НЕЙГАУЗ Ф.С.

На Ваше письмо сообщая, что по имеющимся в Отделе сведениям ~~о~~ рядовой 975 ап НЕТАУЗ (так в документах Отдела) Михаил Евсеевич, 1909 года рождения, значится в числе пропавших без вести на фронте Отечественной войны в ноябре 1941г.

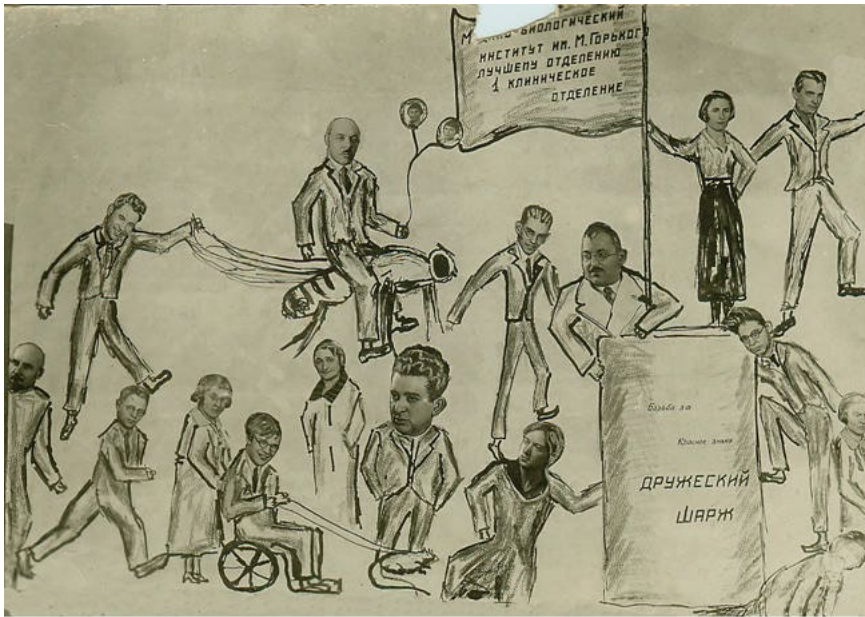
Разъясняю, что подавляющее большинство военнослужащих, которых считаем пропавшими без вести, погибло в боях, но боевая обстановка не позволяла конкретно установить судьбу каждого, и они были учтены пропавшими без вести.
Новые сведения за послевоенный период о его судьбе в Отдел не поступали.

исп. Вобкова пр. *В.М.* Зам. начальника Отдела

Тип. АМО 75-67

Память об их отце М. Е. Нейгаузе, пожалуй, даже культ его, Фрида поддерживала в детях, и клятва существовала такая в семье, как клятва на крови: “Поклянись “За папу!” Если поклянешься, значит точно- говоришь правду. В рассказах Фриды о довоенной жизни, когда Миша ещё был жив, всё выглядело романтическим, возвышенным, да так, наверно, и ощущалось и было на самом деле тогда. В этих рассказах почти всегда присутствовали папины друзья и соратники по науке, работавшие или общавшиеся с ним в ВИЖ, в МГУ, в Медико-биологическом и Онкологическом институтах: А. С. Серебровский, Б. Ф. Кожевников, Н. И. Шапиро, П. Ф. Рокицкий, С. И. Алиханян, М. Л. Бельговский, А. А. Прокофьева-Бельговская, Р. П. Мартынова, Г. Зильберберг, С. Н Ардашников, И. А. Рапопорт, А. Р. Жебрак, С. Г. Левит. Звучали имена и многих других известнейших генетиков.

Романтика тех далеких времён и отношений частично отразилась в сохранившихся реликвиях: в фотографиях и надписях на них, в подаренных стихах, в дружеском шарже.



Медико-биологический институт. Дружеский шарж.

Слева наверху- **М. Е. Нейгауз** держит за крыло дрозофилу, на которой восседает **С. Г. Левит**. В центре в белом халате- **Р. П. Мартынова**, справа внизу стоит **М. И. Сорокина**, рядом с ней- **Б. Ф. Кожевников (?)**. Остальных автор книги не знает и будет очень благодарна за помощь в их идентифицировании



С. И. Алиханян, М. Е. Нейгауз, Н. И. Шати́ро



М. Е. Нейгауз и С. Н. Ардашников

« Есть горечь встреч и горечь расставания
 кипенье дружбы и горенья круг
 Прощай! прощай! скорее, до свиданья
 Прощай мой друг, единственный мой друг
 Пусть волны половодья нас разбросят
 И через различную войдем мы дверь
 На житейском корабле, будь всегда матросом,
 Таким же как теперь. *Зильберберг*
 30/XII-1929.

“Есть горечь встреч и горечь расставанья,
 Кипенье дружбы и горенья круг.
 Прощай! Прощай! Скорее, до свиданья.
 Прощай, мой друг, единственный мой друг.

Пусть волны половодья нас разбросят
 И через различную войдем мы дверь
 На житейском корабле будь всегда матросом,
 Таким же, как теперь.” (30/12-1929 Зильберберг)



Дорогому
 Нео
 в каминных моих лет
 сошедшая работа
 1. VII 33. *Т.И.*

Дорогому Нео в каминных лет
 что вы никогда не для меня
 зрелищная. *Т.И.*

Петр Фомич Рокицкий и его жена Татьяна Ивановна

Большинство из названных- всемирно-известные профессора и академики, великие учёные, вошедшие в историю науки корифеи- основоположники генетики и селекции, но дети М. Е. Нейгауза знали их просто как друзей отца, которого они помнили, уважали, любили и ласково называли “Ней”. Многие из них оставались папиными друзьями и после его гибели, стали они и фридинами друзьями и в большей или меньшей мере помогали ей растить детей.

До конца своих дней Фрида грезил о своём Мише и видела его во сне, как наяву, - приходил, разговаривал. Сохранился её набросок часто повторяющегося сна (картина “Видение”, выполненная маслом по этому наброску, затерялась).



СОН Карандаш, набросок, 1963
THE DREAM Pencil, sketch, 1963

Тексты на рисунке и на его обороте, описывающие вариации этого сна:

“1963 год. Под Ельней. Стоит лес обгорелый до неба. Всегда Миша приходит слева и уходит направо. В правой руке белый сверток.”

“Снова встреча с Мишей 1963- 64 г.

Смоленск. Под Ельней. Повел меня к проволочному ограждению, где порвано. Мы дошли до золотистого холмика. Миша сел, и я положила ему руки на плечи, и так я была счастлива, что встретила незабвенного. Через мгновение он исчез, и я осталась рыдать... у срезанного золотого дерева-холмика.”

“...Мы встретились на просёлочной дороге справа у проволочного ограждения. День встречи- солнечный, дорога- песчаная. Миша- босой. Я- в белом, тоже босая. Миша всегда приходит откуда-то слева. Держит постоянно в правой руке белый свёрток. Затем перекладывает его в левую руку и берёт меня за руку, но я с ним не иду. Я сказала: “А как же дети?”- и тогда он уходит. Здесь я ему сказала: “Идём к морю искупаемся”, а он ответил: “Вода холодная, ветер холодный, и снег ещё не растаял.”

Ах! Как бы мне его найти, родного, дорогого. Бедный мой, за что такая судьба!!”



Жена Фрида, 1906-1991

Другое видение: **“В 1980-м я видела мужа дома. Это было 16 сентября ночью. Он хотел переночевать. Он подошел к своим портретам, радиоприемнику, погладил всё руками и льва чернильного прибора тоже. Затем подошел к своему шкафу (довоенный фанерный с резным стеклянным окошком шкаф был их первым семейным приобретением и прослужил маме до самой её смерти), заглянул- там его книги, труды. (Надо сказать, что не все его труды мама сохранила: после сессии ВАСХНИЛ 1948 года, по совету друзей, большую часть оттисков папиных статей из иностранных журналов она сожгла в страхе за судьбу детей.) Затем подошёл к моей кровати. Я сидела. Он вынул белый свёрток. Листочки колыхались. Это, очевидно, были фронтовые деньги, пересланные ему на фронт, зарплата-аванс для меня- так он объяснил. “Мне они не нужны,”- это его слова. Я хотела ему заглянуть в глаза, когда он стоял у тумбочки... Он голову отворачивал и всё прощупывал руками. То же самое было у шкафа его. Ещё мне не было ясно, что у него с ногами. Одет он был в костюм с орнаментом концлагеря, и берет надвинут на глаза.”**

Ещё одно видение: **“1988 г. Это лето. На кухне у радиоприёмника (он был включён) собирались бойцы- ополченцы 8-ой Краснопресненской дивизии г. Москвы (папа ушел с этой дивизией на фронт), их было много, и они говорили, какими трудными путями они пробирались в Берлин на рейхстаг, и что дорога была в развалинах, и всё же они возложили кто красные флаги, а кто красные полотна. И молодые бойцы кричали: “Ты Михаил-Миша, не стесняйся. Ты был молодец. Ты своё дело сделал.” Они были очень счастливы и веселились. Я вспомнила Надежду Константиновну Норинскую. Это работник военно-учётного стола МГУ. Она хорошо знала Мишу и не раз мне говорила: “Вы должны отправить письмо последнее с иском по плену Михаила Евсеевича. Я сына нашла. Правда он сделался инвалидом, но я его нашла. Так ищите и напишите подробно на г. Подольск и в военкоматы.” И всё же я поступаю неправильно. Надо упорно искать, где наш Миша.”** К моменту этого видения Фрида прекратила поиски, но вспомнила Норинскую и решила возобновить свои попытки. И она опять искала и тщетно рассылала письма, в том числе повторно по адресам, рекомендованным Норинской. Было ей тогда уже 82 года, и более сорока лет прошло со времени окончания Войны. Радостью и утешением для Фриды в какой-то степени стало то, что её муж Михаил Евсеевич Нейгауз не забыт: о нём рассказывается в книге воспоминаний П. Ф. Рокицкого, имя его выгравировано на мемориальной доске у вечного огня в МГУ. В настоящее время М. Е. Нейгауз увековечен в списках Минобороны “Мемориал” и упоминается в книгах о биологах, участвовавших в Великой Отечественной Войне. Его имя, как автора статей по генетике и в воспоминаниях коллег по работе, можно также найти в Интернете.